

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.03.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-7518-2026-1-52-56

Дата принятия рукописи в печать: 21.04.2026 г.

БУХЛОВА Ева Евгеньевна,

студентка 2 курса,

Саратовская государственная юридическая академия,

Саратов, Россия,

e-mail: buhlovae@gmail.com

Научный руководитель:

ГРИГОРЬЕВА Людмила Викторовна,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,

Саратовская государственная юридическая академия,

Саратов, Россия,

e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВА И СПЕЦИАЛЬНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы уголовно-правовой оценки деяний, совершенных с использованием цифровых технологий. Внимание уделено сложности разграничения института подстрекательства (ч. 4 ст. 33 УК РФ) и специальных составов преступлений, предусмотренных ст. 280 и ст. 282 УК РФ, в условиях трансформации способов коммуникации. Анализируется влияние цифровой среды на механизм совершения преступления, вопросы определения направленности умысла и момента окончания деяния. На основе изучения судебной практики и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ выявлены критерии отграничения общих и специальных норм и предложены пути совершенствования правоприменительной практики.

Ключевые слова: цифровизация, уголовное право, подстрекательство, сеть «Интернет», специальный состав, экстремизм, публичные призывы, квалификация преступлений.

BUKHLOVA Eva Evgenievna,

Second-Year Student,

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russia

Scientific Supervisor:

GRIGORYEVA Lyudmila Viktorovna,

Candidate of Law,

Associate Professor, Department of Criminal and Penal Law,

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russia

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF INSTIGATION AND SPECIAL COMPOSITIONS OF EXTREMIST CRIMES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: ISSUES OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT

Annotation. The article examines the actual problems of criminal law assessment of acts committed with the use of digital technologies. Attention is paid to the complexity of demarkation of the institution of incitement (Part 4 of Art. 33 of the Criminal Code of the Russian Federation) and special offences provided for in Article 280 and Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, in the context of transformation of communication methods. The influence of the digital environment on the mechanism of committing a crime, the issues of determining the direction of intent and the moment of the end of the act are analysed. Based on the study of judicial practice and explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the criteria for distinguishing between

general and special norms were identified and ways to improve law enforcement practice were proposed.

Key words: digitalisation, criminal law, incitement, Internet, special composition, extremism, public appeals, qualification of crimes.

Современный этап развития гражданского общества нельзя представить без информационно-телекоммуникационных технологий. Однако наряду с положительными эффектами присутствия цифровой среды в экономике и социальной жизни, эта трансформация породила новые сложности для правоприменителей в сфере уголовного права. Цифровые технологии облегчают коммуникацию и создают новые возможности для противоправной деятельности. На этом фоне институт соучастия, сложившийся непосредственно в условиях прямого контакта между участниками преступления, сталкивается с проблемой, когда интеллектуальная и организационная часть преступления, общение и психологическое воздействие происходят в сети «Интернет», а само выполнение преступления осуществляется в реальной жизни. Ряд исследователей, например, В.А. Номоконов и Т.Л. Тропина подчеркивают особенности подобных преступлений, выделяя «трансграничный характер сетевых преступлений, при котором преступник, объект преступного посягательства, потерпевший могут находиться на территориях разных государств». [1, с. 46].

Достаточную сложность в квалификации, расследовании и раскрытии подобных преступлений вызывает фигура подстрекателя. В ч. 4 ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2] подстрекатель описывается как лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. Отдельного внимания требует смысл термина «склонение». Так, Илidgeв А.А. отмечает, что «под склонением в ч. 4 ст. 33 УК РФ следует понимать убеждение в необходимости совершить преступление. [3, с. 60]. При этом содержанием убеждения является совершение преступления, а формой – устная или письменная речь, жесты, мимика, их сочетание. Таким образом суть действий подстрекателя заключается в формировании готовности и решимости к совершению конкретного общественно опасного деяния, инициатор преступления влияет на мысли и волю будущего исполнителя.

Важным элементом является направленность побуждения на совершение индивидуально-определенного, конкретного преступления. Поскольку если в обращении отсутствует конкретизация объекта и характера посягательства, а лишь содержатся общие призывы к противоправным действиям, то такие действия подпадают под признаки иных самостоятельных составов, предусмотренных, например, ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) или ст. 280 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого

достоинства). [4, с. 109].

С субъективной стороны действия подстрекателя всегда совершаются с прямым умыслом: он сознательно побуждает другое лицо к совершению преступления, предвидит общественно опасные последствия и желает их наступления. Так же обязательным условием для квалификации содеянного как подстрекательства является установление прямой причинно-следственной связи: именно волеизъявление подстрекателя должно стать решающим фактором, сформировавшим намерение совершить преступление у исполнителя.

Информационная среда существенно упрощает возможные способы подстрекательства. Для вовлечения в совершение преступления теперь не обязательно лично взаимодействовать с исполнителем: злоумышленник может находиться в любой точке мира, используя различные технологии для сохранения конфиденциальности своей личности, анонимные аккаунты, фейковые данные или мессенджеры с функцией автоматического удаления сообщений. В условиях цифровой сети правоохранительным органам становится сложнее выявлять и доказывать подстрекательство, все чаще возникают проблемы с установлением личности подстрекателя, с фиксацией переписки, с доказыванием того, что именно его сообщения повлияли на решение исполнителя совершить преступление, а не иные обстоятельства. Классические способы подстрекательства так же приобретают новую форму: подстрекатели в сети все чаще применяют шантаж с использованием компрометирующих материалов, полученных посредством взломов аккаунтов предполагаемых исполнителей. Особенно опасна данная практика в отношении несовершеннолетних, которые в силу возрастных и психологических особенностей более подвержены внешнему воздействию и легче склоняются к противоправному поведению. Развитие технологий качественно изменило саму природу подстрекательского воздействия. На смену методам прямого физического принуждения приходят более тонкие методы. Так, Уполномоченный по правам ребенка в Республике Татарстан объясняет: «Злоумышленник не обязан кричать или угрожать ножом. Достаточно системных «уговоров» в чате. Спектр способов открытый: подкуп (деньги, виртуальная валюта), обман, шантаж, лесть или создание иллюзии дружбы». [5].

Существенные трудности в теории и правоприменении вызывает разграничение фигур подстрекателя и интеллектуального пособника, что является актуальным, особенно в условиях коммуникации через цифровые устройства и сеть «Интернет». Согласно ч. 5 ст. 33 УК РФ по-

собник – это лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или скрыть такие предметы. В уголовном праве обычно выделяют два вида пособничества: физическое (конкретные действия, которые меняют обстановку и облегчают совершение преступления) и интеллектуальное (дача советов, инструкций, указаний). С развитием интернета именно интеллектуальное пособничество выходит на первый план: в чатах, мессенджерах, могут подробно объяснять, как обойти защиту, как скрыть следы преступления, какие инструменты лучше использовать и т. д.

Пособник так же, как и подстрекатель не осуществляет действия, которые характерны для объективной стороны преступления. Но главное их отличие в том, что подстрекатель формирует у человека само решение совершить преступление, то есть побуждает его к этому, а пособник лишь поддерживает уже имеющийся умысел и лишь помогает в реализации преступления. Например, один человек подталкивает собеседника на преступление, активно убеждает, шантажирует, а другой же может лишь подробно объяснить, как обойти защиту того или иного сайта, как зашифровать переписку, какие программы использовать для взлома и т. д. Но зачастую это грань размывается, особенно в цифровой среде. На практике, одно и то же лицо в «онлайне» может одновременно и подталкивать к преступлению, и давать конкретные советы по его совершению, что еще больше усложняет квалификацию его действий и требует тщательного анализа содержания сообщений, контекста общения и намерений участника. Нельзя не согласиться с мнением Гасымовой Н.А., которая так же считает, что «сегодня присутствует необходимость в том, чтобы суды при вынесении решений по уголовным делам, рассматривая преступления в форме соучастия, конкретизировали действия подстрекателя и пособника». [6, с. 188]. В условиях цифровизации судьям стоит тщательнее расписывать цифровой след преступления, это необходимо, чтобы наказание было максимально справедливым и обоснованным, ведь без конкретики будет не ясно, в чем именно выражалась роль соучастника в эпоху цифровых технологий.

На практике дополнительная трудность возникает при разграничении института подстрекательства, закрепленного в ч. 4 ст. 33 УК РФ, с нормами Особенной части, где формируются специальные составы, включающие элементы побуждения к преступлению. В научной литературе нередко отмечается, что подобное дублирование и пересечение действий в разных разделах УК

РФ порождает проблемы квалификации и требует более четкого разграничения сфер действия общих и специальных норм.

Статья 280 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Первоочередным отличием данного состава от подстрекательства, закрепленного в Общей части УК РФ является то, что данное обращение идентифицируется массовым: оно сконцентрировано не на конкретное лицо, а на неограниченный круг граждан. В ч. 2 ст. 280 УК РФ выделяется использование средств массовой информации и сети «Интернет» как квалифицирующий признак. Указание на эти способы совершения деяния демонстрирует, что законодатель воспринимает цифровую среду как особую зону риска, где противоправные призывы способны распространяться быстрее и шире, чем в реальной жизни. Пленум Верховного Суда (далее - ВС) в постановлении от 28.06.2011 №11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [7] в п. 6.1 рекомендует считать оконченным данный состав с момента размещения обращений в указанных сетях общего пользования (например, на сайтах, форумах или в блогах), отправления сообщений другим лицам.

Так, Заволжский районный суд Ульяновска в 2021 году приговорил Петрова П.В. к двум штрафам по ч.2 ст. 280 УК РФ. Судом было установлено умышленное размещение экстремистских материалов, с целью осуществления экстремистской деятельности, на личной странице Петрова П.В в социальной сети «ВКонтакте» и на странице другого пользователя этой же социальной сети. [8]. Данный пример еще раз подтверждает, что большее значение имеет сам факт публичности и доступности информации. Рекомендации Верховного Суда РФ позволяют предотвращать угрозу на стадии ее возникновения. Но важный нюанс проявляется и в том, что формулировка «с момента размещения» не позволяет ошибиться: распространение экстремистского материала «по незнанию» не освобождает от ответственности.

Таким образом, не трудно прийти к выводу, что специфика публичных призывов к экстремистской деятельности, предусмотренных ст. 280 УК РФ, заключается в том, что само по себе их обращение к неопределенному кругу лиц образует оконченный состав преступления: как только высказывание или материал, содержащее соответствующий призыв, становится доступным другим лицам – деяние подлежит квалификации по данной статье. Но применение общих норм о подстрекательстве образуют иную ситуацию, когда адресат не сформировал намерение совершить правонарушение и не был склонен к противоправному поведению: деяние расценивается не как оконченное преступление, а лишь как стадия подготовки к нему.

Нельзя также не отметить существенную роль правовой конструкции ст. 282 УК РФ при отграничении специальных норм от подстрекательства. Данная статья нацелена на охрану основ конституционного строя посредством установления ответственности за действия, связанные с разжиганием ненависти или вражды, а также унижением чести и достоинства личности либо группы лиц. Разъяснение данных действий предоставляется в абз. 2 п. 7 ранее названного постановления Пленума ВС «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» - это «высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершение иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, социальной группы, приверженцев той или иной религии». Одним из важных условий применения данной нормы является совершение подобных действий с использованием средств массовой информации, включая сеть «Интернет».

С июля 2025 г. привлечение по ч. 1 ст. 282 УК РФ возможно уже при первом факте совершения деяния, если оно сопровождается оправданием либо пропагандой применения насилия, то есть содержит элементы одобрения силовых методов или их настойчивого продвижения как основного способа разрешения конфликтов. Ранее действовавшая редакция имела иную структуру: уголовно-правовые меры по ч. 1 ст. 282 УК РФ могли применяться только в отношении лица, которое уже в течение предшествующего года было подвергнуто административному наказанию за аналогичное поведение. [9]. Кроме того, в ч. 2 ст. 282 УК РФ перечень отягчающих обстоятельств был расширен за счет указания на совершение деяния объединенной группой, в том числе действующей на основе предварительной договоренности. Отказ от обязательного предварительного административного воздействия и переход к непосредственному уголовному преследованию при наличии признаков оправдания или пропаганды насилия свидетельствует о повышении оценки общественной опасности соответствующих высказываний и требуют особо тщательного их разграничения с подстрекательством к совершению конкретных преступлений. Не маловажным является и то, что законодатель специально выделил ситуации коллективного участия, при которых воздействие на аудиторию и опасность разжигания враждебности существенно усиливаются. Для более ясного разграничения данной нормы с институтом подстрекательства стоит брать во внимание характер охраняемых общественных отношений. Выше указанная норма направлена преимущественно на поддержание равенства, недопущения призывов к дискриминации, в отличие от чего, побуждение к совершению правонарушения в рамках Общей части УК РФ всегда тес-

но связано с подстрекательством на конкретную ценность. Следовательно, если содержание высказывания затрагивает прежде всего межгрупповые отношения и выражает враждебность или унижение, квалификация должно осуществляться по ст. 282 УК РФ, когда словесные обращения уже прямо направляются на реализацию определенного преступного деяния (убийство, причинение вреда здоровью и т.д), оценка содеянного происходит через конструкцию соучастия.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что в условиях цифровой коммуникации традиционные подходы к уголовно-правовой оценке поведения участников преступления требуют некоторых изменений. При отграничении подстрекательства от интеллектуального пособничества следует больше внимания уделять целеполаганию лица, предоставившего информацию. Нужно учитывать не только характер информации как таковой, но и прогнозируемый автором способ ее использования исполнителем. Для отделения специальных норм от общих следует опираться на определенность круг лиц, к которым обращено высказывание, а также на уровень конкретизации предполагаемого противоправного действия. В целях повышения эффективности правосудия в эпоху цифровизации необходимо не только теоретическое осмысление данных процессов, но и практическая адаптация. Необходимо дополнить ранее упомянутое постановление Пленума ВС №11 разъяснениями, касающимися цифровой специфики фиксации доказательств. Судам при вынесении приговора следует отображать не только факт использования сети «Интернет», но и тщательнее анализировать технические параметры цифрового следа (тип платформы, открытость или закрытость канала коммуникации) для более четкого разграничения специальных составов и соучастия. А также использовать заведенные протоколы осмотра интернет-страниц с указанием IP-адреса, времени и геолокации, что позволяло бы более достоверно устанавливать необходимые для судопроизводства факты и гарантировать справедливость назначенного наказания.

Список литературы:

- [1] Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2012. №24. С. 45-55.
- [2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // *Собрание законодательства РФ*. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; – 2025. – № 52 (часть I). – Ст. 8321.
- [3] Илджев А.А. Юридическая природа преступлений подстрекателя и их отражение в Особенной части УК РФ // *Юрист-Правоведь*. 2021. №3 (98). С. 59-63.
- [4] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. проф. В.В. Ве-

кленко. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 230 с.

[5] Слово недели: Подстрекатель – 2026. // Уполномоченный по правам ребенка в республике Татарстан. URL: <https://rtdety.tatarstan.ru/index.htm/news/2493870.htm> (дата обращения: 01.03.2026)

[6] Гасимова Н.А. Пособник и подстрекатель как соучастники преступления: главные отличия // *Lex criminalis scientiarum*. 2025 Том 2. № 2 (4). С. 186-190.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (с изменениями внесенными постановлениями Пленума от 3 ноября 2016 г. № 41, 20 сентября 2018 г. № 32, 28 октября 2021 г. № 32 и от 23 декабря 2025 г. № 43) // СПС «Консультант плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 04.03.2026)

[8] Дело № 22-153/2022. Апелляционное постановление // Ульяновский областной суд. URL: <http://www.ulobsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=98029> (дата обращения: 05.03.2026)

[9] Прокурор разъясняет. Конкретизирован состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства – 2025. // Прокуратура Республики Крым. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_91/activity/legal-education/explain/e5881051/ (дата обращения: 10.03.2026)

References:

[1] Nomokonov V.A., Tropina T.L. Cybercrime as a New Criminal Threat // *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012. No. 24. Pp. 45-55.

[2] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on December

29, 2025) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. - 1996. - No. 25. - Art. 2954; - 2025. - No. 52 (Part I). - Art. 8321.

[3] Ilidzhev A.A. Legal Nature of the Crimes of the Instigator and Their Reflection in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation // *Jurist-Pravoved*. 2021. No. 3 (98). Pp. 59-63.

[4] Criminal Law of the Russian Federation. General Part: Textbook / edited by Prof. V.V. Veklenko. – Moscow: Yurait Publishing House, 2017. – 230 p.

[5] Word of the Week: Instigator – 2026. // Children's Rights Commissioner in the Republic of Tatarstan. URL: <https://rtdety.tatarstan.ru/index.htm/news/2493870.htm> (accessed: 01.03.2026)

[6] Gasimova N.A. Aider and Instigator as Accomplices to a Crime: Key Differences // *Lex Criminalis Scientiarum*. 2025 Vol. 2. No. 2 (4). pp. 186-190.

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 No. 11 «On judicial practice in criminal cases involving crimes of an extremist nature» (as amended by the resolutions of the Plenum of November 3, 2016 No. 41, September 20, 2018 No. 32, October 28, 2021 No. 32 and December 23, 2025 No. 43) // СПС «Consultant Plus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (date accessed: March 4, 2026)

[8] Case No. 22-153/2022. Appeal ruling // Ulyanovsk Regional Court. URL: <http://www.ulobsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=98029> (Accessed: March 5, 2026)

[9] The prosecutor explains. The elements of the crime providing for criminal liability for inciting hatred or enmity, as well as the humiliation of human dignity, have been specified – 2025. // Prosecutor's Office of the Republic of Crimea. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_91/activity/legal-education/explain/e5881051/ (Accessed: March 10, 2026)

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.